

(ч I и II. СПб. 1903). Первая часть посвящена характеристикѣ состава и языка грамотъ; вторая представляетъ собою изданіе 115 грамотъ XV в.

Существуетъ и много другихъ болѣе или менѣе важныхъ трудовъ по исторіи русскаго языка. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ удалось проштудировать въ цѣломъ ихъ видѣ или въ извѣстныхъ отдѣлахъ. Напр., Брандтъ Р., „Лекціи по исторической грамматикѣ р. яз. Фонетика“ (М. 1892); предметъ лекцій—русскій литературный языкъ въ связи съ діалектологіей и исторіей; при изложеніи приводятся разнообразныя мнѣнія ученыхъ по каждому вопросу; Будде, „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ (Варш. 1892) и др. соч.; Шахматовъ, „Лекціи, читанныя въ Моск. Университетѣ въ 1890—91 г.“ (литогр. изд.); Ягичъ, „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ (СПб. 1889)—критическій разборъ Лекцій по исторіи р. яз. (I изд.) Соболевскаго; Владиміровъ, „Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка“. (К. Универ. изв. 1899, № 2); труды, посвященные изученію малор. нарѣчія,—Михальчука, Чубинскаго, Огоновскаго, Крымскаго; Карскій, „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“ (М. 1886), „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“ (Варш. 1893).

По церковно-славянскому языку, кромѣ трудовъ, указанныхъ выше, предметомъ моего изученія были изслѣдованія Миклошича, особенно его *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* (I. Lautlehre. II. Stammbildungslehre. III. Formenlehre. Wortbildungslehre. Syntax). Русскій переводъ сравнительной морфологіи слав. языковъ—Шлякова, подъ ред. Р. Брандта. Трудъ Миклошича содержитъ въ себѣ обзоръ всѣхъ особенностей 10-ти слав. языковъ, включая сюда и ц.-славянскій. Русскій переводъ дополненъ очень полезными (иногда полемическаго характера) примѣчаніями. Менѣе важенъ другой трудъ Миклошича: *Altslov. Formenlehre in Paradigmen* (1874), гдѣ защищается такъ наз. „панновская“ гипотеза. Изъ трудовъ Ягича по ц.-слав. языку я остановился на его книгѣ: *Zur Entstehungsgeschichte der Kirchen-slavischen Sprache* (Wien, 1900), которая посвящена пересмотру вопроса о родинѣ ц.-славянскаго языка, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ, касающихся зачатковъ славянской письменности. обстоятельная рецензія на книгу Ягича принадлежит П. А.

Лаврову (Изв. отд. р. яз. и слов. А. Н. VI т. I кн.). Кроме того, я пользовался трудами: Будиловича, „Начертаніе ц.-слав. грамматики“ (Варш. 1883); Флоринскаго, „Лекціи по слав. языкознанію“ (ч. I—II); Некрасова, „Очеркъ сравн. ученія о звукахъ и формахъ древняго ц.-слав. языка“ (СПб. 1889); А. Погодина, „Слѣды корней—основъ въ слав. языкахъ“ (Варш. 1903 г.) и др.

Б. *Новограмматическая* школа въ области изученія русскаго и церковно-слав. языковъ находитъ себѣ очень немногихъ послѣдователей и представлена очень ограниченнымъ количествомъ изслѣдованій. Едва-ли не впервые психологическій методъ примѣненъ къ изученію славянскихъ языковъ въ трудахъ Лескина, особенно въ его *Die Deklination in slavisch—litauischen und germanischen* (1876. XXIX+158). Ему же принадлежитъ *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprachegrammatik* (1886). Ср. русскій переводъ: „Грамматика старо-слав. языка съ дополненіемъ по языку Остромирова Евангелія“ (М. 1890). Слѣдя Миклошичу, Лескинъ строитъ свою грамматику ц.-слав. языка главн. обр. на основаніи памятниконъ такъ наз. „паннонской“ редакціи, совершенно игнорируя Остромирово Евангеліе. Поэтому русскіе переводчики (А. А. Шахматовъ и В. И. Щепкинъ) дополнили грамматику фактами изъ области фонетики и морфологии, взятыми изъ Остромирова Евангелія. — Во главѣ русскихъ лингвистовъ новограмматической („Казанской“) школы стоятъ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и покойный Крушевскій. И въ своихъ лекціяхъ, и въ своихъ довольно многочисленныхъ сочиненіяхъ Б. де-Куртенэ настаиваетъ на необходимости изучать языкъ не съ исторической его стороны, а со стороны психологической и физиологической. Эволюція языка обуславливается, по его мнѣнію, стремленіемъ къ удобству, къ облегченію въ трехъ областяхъ дѣятельности: въ области произношенія (фонаціи), слушанія (аудиціи) и „языкового мышленія“ (церебраціи). Разсматривая подъ этимъ угломъ всѣ явленія языка, онъ стремится объяснить ихъ главнымъ образомъ цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ энергій при произношеніи, устройствомъ и приспособленіемъ органовъ, удобствами слушанія и проч. Въ частности морфологическія измѣненія въ языкѣ у него ставятся въ зависимость отъ поочереднаго перемѣщенія языкового вниманія съ конца слова

или предложенія къ его началу и наоборотъ. Отличіе Б. де-Куртенэ отъ западныхъ лингвистовъ—новограмматиковъ заключается преимущественно въ томъ, что тогда какъ послѣдніе изучаютъ языкъ и по памятникамъ, онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на современные говоры и нарѣчія, такъ какъ, по его мнѣнію, намъ неизвѣстно, какъ звучали дошедшія до насъ письмена въ эпоху ихъ начертанія. Сочиненія Б. де-Куртенэ очень разнообразны и многочисленны. Для изученія русскаго и ц.-слав. языковъ болѣе важны: „Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ“ (Ж. мин. нар. пр. 1871, 2); „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка“ (Филол. Зап. 1881, 1882); „Нѣкоторые отдѣлы „сравнительной грамматики слав. языковъ“ (Р. Ф. В. 1881); „Подробная программа лекцій, читанныхъ въ Казанскомъ университетѣ и Казанской духовной академіи въ 1876—77, 1877 — 78 акад. гг.“; „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ въ связи съ другими индоевропейскими языками“ (СПБ. 1901—1902; лит. изд.).

Дальнѣйшее развитіе идеи Б. де-Куртенэ нашли себѣ въ трудахъ его ученика Крушевскаго. Одно изъ важнѣйшихъ его сочиненій—„Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма“ (1881). Здѣсь очень важно общее теоретическое введеніе, заключающее въ себѣ много характерныхъ замѣчаній по методологій фонетики въ духѣ новограмматической школы. Изслѣдованіе въ области чередованія гласныхъ ц.-слав. языка у Крушевскаго отражаетъ на себѣ вліяніе теорій аріоевропейскаго вокализма, выработанной Бругманомъ и особенно Де-Соссюрюмъ¹⁾. Въ „Очеркѣ науки о языкѣ“ (Казань 1883) дается цѣльное и законченное изложеніе основныхъ положеній новограмматической школы, иногда соприкасающееся съ положеніями Пауля.— Въ духѣ новограмматической школы разрабатывается изученіе русскаго языка, параллельно съ другими аріоевропейскими языками, также въ трудахъ проф. В. А. Богородицкаго. Въ его раннѣйшемъ трудѣ „Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ“ (Каз. 1884) классифицируются гласные безъ ударенія, опредѣляются факторы ихъ направленія и измѣненія, указывается связь между развитіемъ вокализма

¹⁾ Въ настоящее время эта теорія считается устарѣвшей.

и консонантизма; развитіе звуковъ ставится въ зависимость отъ устройства органовъ рѣчи. „Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика“. (Варшава. 1887). „Общій курсъ русской грамматики“ (Каз. 1904). Въ послѣднемъ курсѣ находимъ объясненіе звуковыхъ явленій въ духѣ новограммат. школы, въ связи съ ихъ фізіологіей, морфологическія категоріи и процессы съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ, краткій синтаксисъ. Многіе семасіологическіе вопросы, обычно разсматриваемые въ синтаксисѣ, проф. Богородицкій предпочелъ перенести въ отдѣлъ морфологіи для достиженія большей систематичности въ изложеніи синтаксиса. Много мѣста церковно-слав. и русскому языку отводится также въ обширномъ сочиненіи Богородицкаго: „Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ индоевроп. языковъ“.—Къ новограмматической школѣ относятся сочиненія проф. А. И. Александрова и проф. С. К. Булича („Церковнославянскіе элементы въ современномъ литер. и народномъ русскомъ языкѣ“ ч. I. СПб. 1893). Хорошей справочной книгой служитъ послѣдній трудъ Булича: „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи“. Т. I, 1248 стр. (Зап. истор.-филол. фак. С.-Петербур. Универс., ч. LXXV. 1904). Въ началѣ книги данъ русскій переводъ классическаго труда Дельбрюка „Введеніе въ изученіе языка“ (Einleitung in das Sprachstudium). — Важное значеніе психологическаго направленія не подлежитъ сомнѣнію. Оно уже сказалось въ открытіи нѣкоторыхъ законовъ и въ разъясненіи нѣкоторыхъ явленій въ исторіи языка, которыя прежде казались непонятными. Таковъ, напр., законъ строгой послѣдовательности и безусловности измѣненій въ области звуковъ при наличности однихъ и тѣхъ же хронологическихъ условій и топографическихъ предѣловъ. Таковъ же законъ аналогіи, соотвѣтствующей ассоціаціи представленій, которымъ, между прочимъ, объясняются кажущіяся исключенія изъ перваго закона.

В. Въ тѣсной связи съ историческимъ изученіемъ русскаго и ц.-славянскаго языковъ находится *палеографія*, какъ вспомогательная отрасль изученія древне-русской письменности. Она имѣетъ свою цѣлью опредѣленіе времени и мѣста происхожденія и особенностей древнихъ памятниковъ путемъ изученія матеріала, на которомъ писали (пергаментъ, хлопчатая бумага, простая бумага), водяныхъ знаковъ (из-

слѣдованіе о нихъ въ трудахъ Лаптева, Тромонина, Лихачева), почерка рукописей, письменъ и разныхъ знаковъ (уставныя буквы, полууставныя, скоропись, сокращенія, надстрочные знаки, знаки препинанія; орнаментъ, заставки и проч.). У меня изученіе палеографіи шло двоякимъ путемъ: теоретическимъ и практическимъ. Теоретическими пособіями мнѣ служили извѣстные курсы палеографіи Срезневскаго, Соболевскаго, Карскаго, Лаврова („Югославянская палеографія“. Курсъ, читанный въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1903—4 г. СПб. 1904). Для практическихъ цѣлей я пользовался извѣстными изданіями Сахарова, Буслаева, пресов. Саввы, Срезневскаго, Соболевскаго. Но особенно практическимъ ознакомленіемъ съ палеографіей какъ, прикладной системой, я обязанъ университетскимъ практическимъ занятіямъ, благодаря которымъ мнѣ пришлось разсмотрѣть цѣлый рядъ снимковъ съ рукописей русскихъ (у Соболевскаго) и южнославянскихъ (у Лаврова), при свѣтѣ соответствующихъ разъясненій. Кроме того, мною изучены съ палеографической стороны нѣкоторыя древнія (XII—XV вв.) рукописи въ бібліотекахъ Импер. Публичной и Синодальной Типографской.

II. *Исторія русской литературы*—предметъ очень широкій по своему содержанію, въ примѣненіи къ древнему допетровскому періоду охватывающій исторію всей русской письменности во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Поэтому исторію древняго періода литературы я старался изучать по возможности вмѣстѣ и параллельно съ изученіемъ церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Исторія русской литературы и исторія этихъ языковъ, представляя собою двѣ отдѣльныя науки, въ то же время тѣсно связаны между собою, какъ общностью источниковъ, памятниковъ древней письменности, такъ и нѣкоторымъ сходствомъ методологическихъ принциповъ.

Научное изученіе русской литературы началось только съ XIX в. Появившіеся до того времени обзоры литературы были просто каталогами писателей и ихъ произведеній. Такимъ обзоромъ было составленное въ концѣ XVII в. „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, приписанное Ундольскимъ Сильвестру Медвѣдеву, теперь же считаемое трудомъ Епифанія Славинецкаго. Къ XVIII в. относится сочиненіе

Новикова—„Опытъ историческаго словаря росс. писателяхъ“. Слабая сторона этого, важнаго для своего времени, труда заключается въ сравнительной скудости свѣдѣній о древнемъ періодѣ литературы. Въ началѣ XIX в. появились цѣнные труды подобнаго же характера, принадлежащіе митр. Евгенію: „Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина“ (1818) и „Словарь рос. свѣтскихъ писателей“ (2-ое изд. М. 1845). Счень важны также каталоги древнихъ и новыхъ книгъ, составленные книгопродавцами—Сопиковымъ („Опытъ-россійской библіографіи“ 1813—1821) и Смирдинымъ („Роспись россійскимъ книгамъ“). Къ началу XIX в. относятся и первыя попытки представить, на основаніи библіографическаго матеріала, цѣльную картину исторіи литературы, каковы, напр., сочиненія—Греча, „Опытъ краткой исторіи русской литературы“ (1822), и Максимовича, „Исторія древне-русской словесности“ (1839). Умѣнье правильно разбираться въ древнихъ памятникахъ литературы у нашихъ изслѣдователей появилось благодаря открытіямъ и трудамъ Востокова, Калайдовича, Строева и другихъ филологовъ.

Въ исторіи русской литературы, какъ наукъ, послѣдовательно появлялись новыя направленія, то вытѣсняя другъ друга, то переплетаясь между собою. Важнѣйшія изъ нихъ, кромѣ эстетическаго, соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя являются господствующими и въ изученіи русскаго языка. Это—*историко-филологическое, сравнительное и психологическое*. Соотвѣтственно этимъ направленіямъ, различно опредѣляются какъ самый матеріалъ, такъ и задача исторіи литературы. Эстетическая точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе въ 40-хъ годахъ въ критикѣ Бѣлинскаго. Историко-филологическій методъ характеризуется преимущественнымъ изученіемъ источниковъ со стороны ихъ происхожденія, языка, переработокъ, въ связи съ установленіемъ личности автора и характеристикой условій исторической жизни, современной ихъ появленію. Примѣненіе этого метода мы видимъ въ цѣломъ рядѣ какъ старыхъ, такъ и новыхъ изслѣдованій, посвященныхъ какъ отдѣльнымъ литературнымъ памятникамъ, такъ и цѣлымъ группамъ однородныхъ произведеній (апокрифамъ, поученіямъ, повѣстямъ, посланіямъ, полемич. сочиненіямъ).—Сравнительно-историческое направленіе впервые выступило въ трудахъ Буслаева, посвященныхъ народ-

ной словесности („Историческіе очерки русской народной словесности и древне-русскаго искусства“, 2 тома). Сравнительнымъ изученіемъ произведеній народнаго творчества и древнихъ памятниковъ письменности была вскрыта взаимная связь ихъ какъ между собою, такъ и съ произведеніями, народными и письменными, индоевропейскихъ народовъ. Въ частности, памятники древне-р. переводной литературы, съ точки зрѣнія сравнительнаго метода, требуютъ для своего изслѣдованія обязательнаго совмѣстнаго разсмотрѣнія произведеній византійской литературы, послужившихъ для русскихъ оригиналами или источниками. Только такимъ путемъ достигается выдѣленіе національныхъ элементовъ въ русской литературѣ, столь необходимое для характеристики историческаго развитія русскаго народа. Историко-филологическій и сравнительный методы въ большинствѣ изслѣдованій соединяются вмѣстѣ или идутъ рука объ руку, взаимно дополняя другъ друга.—Психологическій методъ, задача котораго состоитъ въ опредѣленіи условій происхожденія художественнаго творчества, прилагается въ послѣднее время лишь къ произведеніямъ новой литературы (Сочиненія профессора Овсяннико-Куликовскаго и др.).

При обширности и крайнемъ разнообразіи матеріала, составляющаго предметъ исторіи русской литературы, существуетъ больше монографическихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ явленіяхъ и періодахъ ея, чѣмъ полныхъ, систематическихъ курсовъ. Изъ послѣднихъ болѣе важны, и потому изучены мною наиболѣе тщательно, слѣдующіе. *Шевыревъ*, „Исторія русской словесности, преимущественно древней“ (М. 1858—60, въ 4-хъ томахъ). Исторія литературы здѣсь доведена до XVI в.; заслуживаетъ вниманія полнота матеріала; народная словесность изложена подробно впервые. Слабая сторона этого труда заключается въ предвзятой точкѣ зрѣнія на предметъ, въ смыслѣ крайняго превозношенія старины. *Галаховъ*, „Исторія русской словесности“ (М. I т. 1863; II т. 1868 и 1875). Какъ показалъ Тихонравовъ въ замѣчательномъ разборѣ курса Галахова („Отчетъ о 19 присужденіи Уваровскихъ наградъ“), главными недостатками его являются: преобладаніе эстетическаго направленія, пробѣлы въ изложеніи древне-русской словесности, отсутствіе древнѣйшаго періода словесности, выра-

жающагося въ языкѣ, преданіяхъ и народной словесности. Лучшая часть сочиненія Галахова—въ обработкѣ новаго періода. Во второмъ изданіи оно подверглось переработкѣ, въ которой приняли участіе О. Ф. Миллеръ (былины, историческія пѣсни), Морозовъ (пѣсни обрядовыя и бытовыя, сказки, пословицы, загадки), проф. Кирпичниковъ (духовныя стихи) и акад. Веселовскій (повѣсти древне-русской литературы). 3-е изданіе представляетъ собою перепечатку 2-го. *Порфирьевъ*, „Исторія русской словесности“, доведенная въ посмертномъ изданіи до Пушкина (Каз. ч. II, отд. 3. 1891). Особенной цѣнностью отличается I-ая часть, посвященная древнему періоду и основанная на самостоятельномъ изученіи авторомъ рукописнаго матеріала. *Полевой П.*, „Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ“ (2 ч., нѣсколько изданій). Трудъ болѣе популярный, чѣмъ научный. *Пытинъ*, „Исторія русской литературы“ (СПб. 1898—9; 2-ое изд. 1902), заканчивающаяся разсмотрѣніемъ литературной дѣятельности Гоголя. По полнотѣ матеріала и широкому освѣщенію смѣны литературныхъ явленій, въ связи съ характеристикой историческихъ обстоятельствъ, религіозныхъ и культурныхъ движеній и общественныхъ отношеній, это сочиненіе, безспорно, должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ. Очень цѣнны богатыя бібліографическія примѣчанія, помѣщенные послѣ каждой главы. Иногда въ трудѣ просвѣчивается публицистическая точка зрѣнія.—Въ значительной мѣрѣ удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ также нѣкоторые изъ курсовъ по исторіи русской литературы, предназначенныхъ для учебныхъ цѣлей. Таковы, напр., курсы Караулова, Стоюнина, Незеленова, Смирновскаго, Евстафьева, Попова, К. Петрова. Кромѣ того, я пользовался богатѣйшими по своему содержанію литографированными университетскими курсами лекцій профессоровъ—Жданова, Истрина и Шляпкина.

Въ частности отдѣлъ *народной* словесности разработанъ и въ общихъ курсахъ, и во множествѣ специальныхъ трудовъ довольно обстоятельно. Накопленіе матеріаловъ, собиравшихся Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ, Гильфердингомъ, Барсовымъ, Штейномъ, Безсоновымъ и мн. др., шло рука объ руку съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, по своему общему направленію группирующихся вокругъ двухъ школъ: мнѳологической

Буслаевъ, Аванасьевъ, Котляревскій, О. Миллеръ) и исторической (Л. Майковъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ). Нужно отмѣтить здѣсь также гипотезу Стасова о восточныхъ происхожденіи былинь, заставившую изслѣдователей строже оглянуться на прежнія толкованія нашего древняго эпоса. Въ послѣднее время въ изученіи народной словесности богатые результаты принесла школа акад. Веселовскаго и его послѣдователей, между которыми отмѣтимъ Всев. Миллера („Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“ I—VIII. М. 1892 и др.) и покойнаго проф. Жданова („Русскій былевой эпосъ“ I—V. 1895). Общее направленіе этой школы—сравнительное; основное положеніе ея: „народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный“... Съ методологіей изученія памятниковъ народнаго творчества я знакомился главнымъ образомъ по трудамъ акад. Веселовскаго („Сравнительная мѣтологія и ея методъ“. Вѣстн. Евр. 1872; „Разысканія въ области рус. дух. стиховъ“. Сборн. А. Н. т. XXI и мн. др.). Общій очеркъ народной словесности заключается въ книгѣ П. В. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности“ (Кіевъ, 1896); критико-библіографическій обзоръ трудовъ по богатырскому эпосу—въ статьѣ Лободы „Русскій богатырскій эпосъ въ послѣдовательномъ выясненіи его характера и происхожденія“ (К. Универ. Изв. 1896, № 1, 10 и 11); полная бібліографія—у профессора Архангельскаго, „Къ лекціямъ по исторіи русской литературы“ (Каз. 1899), а также въ III гл. Исторіи р. литературы Пыпина.

Древняя литература, какъ извѣстно, сложилась у насъ подъ вліяніемъ византійской, которое распространилось въ Россіи черезъ Болгарію. Въ золотой вѣкъ болгарской литературы, при царѣ Симеонѣ, было переведено на славянскій языкъ значительное количество святоотеческихъ и другихъ сочиненій, большинство которыхъ и сдѣлалось достояніемъ Россіи еще въ домонгольскій періодъ. Даже къ концу этого періода собственно русскія произведенія совершенно терялись въ массѣ перенесенныхъ изъ Болгаріи текстовъ и, какъ показываютъ наблюденія А. И. Соболевскаго, по числу и объему едва ли были болѣе $\frac{1}{10}$ послѣднихъ. Какъ общей характеристикой переводной и оригинальной литературы домонгольскаго періода во всемъ ея объемѣ, я

пользовался сочиненіемъ О. Миллера: „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности“, соотвѣтствующими главами изъ „Исторіи русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго и трудомъ проф. Владимірова: „Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв.“ (Кіевъ, 1900). Несмотря на нѣкоторые недостатки послѣдняго изслѣдованія, указанные проф. Истринымъ (Жур. мин. в. пр. 1902), по полнотѣ матеріала и основательной обработкѣ его, оно представляетъ собою самый капитальный трудъ по исторіи литературы разсматриваемаго періода. Особенно цѣнны здѣсь указанія, касающіяся такихъ памятниковъ, какъ Толковая Палея, Каафъ, Слово о полку Игоревѣ и др.—Въ домонгольскій періодъ въ Россіи были въ обращеніи сдѣланные въ Болгаріи довольно многочисленныя переводы святоотеческихъ твореній. Сюда относятся творенія—*Иоанна Златоуста*,—„Златоуструй“ (изслѣдованный проф. Малининымъ), „Учительное Евангеліе“ Константина еп., представляющее собою извлеченіе изъ сочиненій Златоуста (изслѣд. арх. Антоніемъ, Михайловымъ),—*Григорія Богослова* (изсл. Будиловичемъ), *Ефрема Сирина*, „Паренесисъ“ (изслѣд. Архангельскимъ), *Иоанна Дамаскина*, „Слово о правой вѣрѣ“, перевод. Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ, (изсл. Калайдовичемъ) и мн. др. Изъ переводныхъ житій болѣе распространенными были житія Антонія Великаго, Саввы Освященнаго, Евстафія Плакиды, Кондрата, Феоклы, Панкратія. Изъ переводныхъ сборниковъ нужно отмѣтить патерики (Ундольскій, „Библиогр. разысканія“), четьи-минеи (изъ когорыхъ дошли до насъ только мартовская XI в. (=Супрасльская рукопись) и майская XII в. (=Успенскій сборникъ), прологъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой своей части переводный памятникъ). Изъ оригинальныхъ произведеній очень рано появились житія Владиміра, Бориса и Глѣба, Θεодосія Печерскаго, Кіево-печерскій патерикъ (изсл. Яковлевымъ, Абрамовичемъ), поученія Луки Жидяты, Θεодосія Печерскаго, митрополита Иларіона, Кирилла Туровскаго. Изъ памятниковъ свѣтской литературы отъ древнѣйшаго періода сохранилось лишь Слово о полку Игоревѣ (Ждановъ, Литература слова и проч. Кіевъ, 1880) и Моленіе Даніила Заточника.—Къ числу древнихъ очень любопытныхъ произведеній относятся Палея историческая и особенно—Толковая. Прежде изслѣдователи (В. Успенскій, М. И. Соко-

ловъ, Сухомлиновъ) обыкновенно считали послѣднюю памятникомъ, переведеннымъ съ греческаго. Но въ послѣднее время взглядъ на нее измѣнился. Михайловъ („Къ вопросу о текстѣ кн. Бытія пр. Моисея въ Толк. Палеѣ“, Варш. Унив. Извѣст. 1895—1896 г.), на основаніи сопоставленія древнѣйшихъ списковъ кн. Бытія съ соотвѣтствующими текстами Палеи, пришелъ къ выводу, что она—памятникъ славянскаго или даже русскаго происхожденія. Научное обоснованіе это предположеніе нашло себѣ въ этюдахъ Истрина (Изв. отд. р. яз. и слов. А. Н. 1897, т. II, кн. I и др.), который объяснилъ любопытныя совпаденія Палеи съ Лѣтописью тѣмъ, что „лѣтописецъ и авторъ Палеи имѣли независимо другъ отъ друга по одинаковому апокрифу. „Къ нѣсколькимъ выводамъ пришелъ въ послѣд. время акад. Шахматовъ. По его мнѣнію, Толковая Палея—памятникъ древнеболгарской литературы. Она составлена св. Меодіемъ или кѣмъ-либо изъ ближайшихъ его учениковъ на основаніи тѣхъ преній съ евреями и срацинами, которыя велъ въ свое время Кириллъ, первоучитель славянской. Разграниченіе редакцій привело его къ мысли, что дошедшая хронографическая редакция есть соединеніе другой русской—нехронографической редакціи съ болгарской хронографической („Толковая Палея и русская Лѣтопись“ СПб. 1904).

Развитіе древней русской литературы въ *послѣдующее* время въ самыхъ общихъ чертахъ, по господствующимъ направленіямъ, можно представить въ такомъ видѣ. Въ XIV—XV вв. замѣчается южно-славянское вліяніе на нашу литературу, сказавшееся во множествѣ новыхъ переводовъ и давшее начало особому литературному направленію, преимущественно въ области агиографіи. Общій очеркъ этого направленія, съ подробнымъ перечнемъ литературныхъ произведеній, появившихся въ это время, данъ въ трудѣ Соболевскаго: „Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ“ (СПБ. 1894). Въ XV—XVI вв. выдѣляется рядъ литературныхъ фактовъ, отразившихъ въ себѣ вліяніе двухъ религіозныхъ движеній въ лицѣ іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ и давшихъ матеріалъ для выраженія двухъ направленій въ литературныхъ произведеніяхъ (Общая характеристика въ церк. Исторіи Е. Е. Голубинскаго). Во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ въ

Московской Руси рѣзко обозначилось въ литературѣ новое направленіе, вооруженное средствами схоластической науки, шедшее изъ Южной Россіи, рядомъ съ старымъ московскимъ направленіемъ, строго державшимся старыхъ традицій.

Такъ какъ многія произведенія русской литературы переходили изъ вѣка въ вѣкъ съ новыми наслоеніями и видоизмѣненіями, то не всегда изслѣдователь можетъ разсматривать ихъ въ связи съ одной какой-нибудь эпохой. Отсюда—значительное количество монографій, разсматривающихъ матеріалъ по отдѣламъ. Насколько мнѣ позволило время, я познакомился съ нѣкоторыми важнѣйшими изъ такихъ монографій. Такъ, поученія изслѣдованы по отдѣльнымъ авторамъ (изсл. Сухомлинова—о Кириллѣ Туровскомъ, Пѣтухова—о Серапіонѣ Владимірскомъ, Никольскаго—о Климентѣ Смолятичѣ, Яцимирскаго—о Григоріи Цамблакѣ) и по сборникамъ (Архангельскаго, Яковлева); житія святыхъ—по группамъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія (Буслаевымъ, Ключевскимъ, Некрасовымъ, Кадлубовскимъ). Апокрифическія сказанія и отреченныя книги рассмотрѣны въ трудахъ Тихонравова, Порфирьева, Веселовскаго, Истрина; лѣтописи—въ трудахъ Срезневскаго, Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Бѣлокурова, Шахматова; хронографы—въ трудахъ А. Попова, Жданова, Шахматова; полемическія сочиненія (отъ XI до XV в.) изслѣдованы А. Поповымъ. Древне-русскія повѣсти рассмотрѣны Пыпинымъ, Веселовскимъ. Изъ сочиненій, посвященныхъ отдѣльнымъ авторамъ, болѣе общій интересъ имѣютъ изслѣдованія: о Максимѣ Грекѣ—Иконникова, о Филофѣѣ, старцѣ Елеазарова монастыря,—Малинина, объ Іосифѣ Волоцкомъ—Хрущова, о Нилѣ Сорскомъ—Архангельскаго, о митр. Даніилѣ—Жмакина, о Симеонѣ Полоцкомъ—Майкова и Татарскаго, о Димитріи Ростовскомъ—Шляпкина.

Рядъ цѣнныхъ *методологическихъ* замѣчаній объ изученіи древней русской литературы я нашелъ въ сочиненіяхъ—В. М. Истрина, „Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII вѣка“ (Одесса, 1903); Н. К. Никольскаго, „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности“ (СПб. 1902); А. И. Соболевскаго, „Нѣсколько мыслей объ древней русской литературѣ“ (СПб. 1903). Всѣ три авто-

ритетные ученые согласны въ томъ, что строго научная исторія древней русской литературы (до XVII вѣка), въ смыслѣ строгихъ научныхъ обобщеній, въ наши дни еще не возможна. Причина этого, по мнѣнію Соболевскаго, заключается въ массѣ безличныхъ произведеній, неприуроченныхъ къ опредѣленному времени и автору. Съ другой стороны, въ послѣднее время у насъ возникъ скептицизмъ даже по отношенію къ произведеніямъ съ именами. Такъ, по мнѣнію Никольскаго, „малонадежны существующія свѣдѣнія о сочиненіяхъ Θεодосія Печерскаго, митроп. Георгія, черноризца Іакова, митр. Ефрема, Григорія, творца каноновъ“ (29 стр.). Отсюда задача, которую должна ставить себѣ исторія древней русской литературы, заключается въ приведеніи въ извѣстность литературнаго матеріала, въ обработкѣ его и въ указаніи каждому произведенію подобающаго мѣста. Для этого историкъ литературы „необходимо разрѣшить вопросы: 1) съ переводнымъ, или съ оригинальнымъ произведеніемъ онъ имѣеть дѣло; 2) если произведеніе—переводное, когда и гдѣ сдѣланъ его переводъ, у южныхъ славянъ, или въ Россіи, съ греческаго языка, или съ какого другого; 3) если произведеніе—оригинальное, чьему перу оно принадлежитъ, южнаго славянина, или русскаго, представляетъ ли оно подражаніе чьему-нибудь чужому, или вполне оригинально. Отсюда историкъ литературы долженъ быть также и лингвистомъ и между прочимъ умѣть различать церковно-славянскій языкъ русскаго извода, восходящій къ южно-славянскому оригиналу, отъ ц.-слав. языка русскаго извода, вышедшаго изъ-подъ пера русскаго грамотея... Словомъ, для научной исторіи древней русской литературы XI—XV вв. необходимы обширныя подготовительныя работы, какъ бібліографическія (относительно простыя), такъ и лингвистическія (относительно сложныя)“ (Соболевскій, стр. 19).

Трудовъ общаго характера по исторіи *новой* русской литературы XVIII—XIX в. довольно много. Задача историка литературы въ отношеніи къ XVIII и первой четверти XIX в. заключается въ изслѣдованіи трехъ, послѣдовательно смѣнившихся другъ друга, направленій,—ложноклассицизма, сантиментализма и романтизма,—отражающихъ на себѣ западно-европейское вліяніе. Изъ трудовъ, касающихся этого періода, мною про-

читаны сочиненія Пекарскаго (Наука о литературѣ при Петрѣ В., Тредьяковскій и Ломоносовъ), Грота (Державинъ, Хемницеръ, Екатерина II, Пушкинъ), Незеленова (Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху), Пыпина (Общественное движеніе при Александрѣ I), Майкова (Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ), Замотина (Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ Русской литературѣ). — Не входя въ перечисленіе всѣхъ прочитанныхъ мною трудовъ по исторіи литературы XIX в., укажу, какъ на лучшія и болѣе полныя, на сочиненія Смирновскаго, О. Миллера, Скабичевскаго, Энгельгардта, Андреевича Опытъ философіи русской литературы. СПб. 1905), проф. Бороздина, De-Vogué (Le roman russe. Paris. 1885).

Самостоятельно изучены мною, со стороны палеографической и филологической, слѣдующія рукописи:

Импер. Публ. библ. F. п. I. № 102. Орбельская тріодь, писанная мелк. уст. XIII в., въ л., на 241 л.; средне-болгарскаго извода.

Импер. Публ. библ. F. п. I. № 74. Тріодь цвѣтная и постная мелк. уст. XII в., въ л., на 154 л. Правописаніе средне-болгарское. По моимъ наблюденіямъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ славянскихъ списковъ тріоди XI—XIII в. этотъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшій текстъ. Въ трехъ листахъ рукописи встрѣчается по нѣскольку строкъ, писанныхъ глаголицей среди кирилловскаго письма.

Импер. Публ. библ. F. п. I. № 899. Патерикъ Скитскій: полууст. XIV—XV в., на бамбиц., въ л., на 118 лист., средне-болгарскаго письма.

Библ. Импер. Акад. Наукъ. № 32. 16. 12. Отрывки Азбучнаго Патерика, полууст. XV в., въ четвертку, на 105 л. Правописаніе русское, но съ слѣдами средне-болгарскаго оригинала.

Библ. Моск. Синод. Типографіи № 137. Тріодь постная и цвѣтная, уст. XII—XIII в., въ л., на 257 л. Правописаніе русское.

Той же библ. № 138. Тріодь цвѣтная, уст. XI—XII в., въ л., 181 л., Правописаніе русское.

Кромѣ этого, въ разныхъ библіотекахъ мною пересмотрѣнъ цѣлый рядъ сборниковъ церковно-учительнаго характера, съ

цѣлью разысканія древнихъ поученій, преимущественно южно-славянскаго происхожденія.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести глубокую благодарность Историко-филологическому Факультету С.-Петербургскаго Университета за предоставленіе мнѣ всѣхъ образовательныхъ средствъ для изученія моей спеціальности. Особенная моя признательность—акад. А. И. Соболевскому, А. А. Шахматову и проф. П. А. Лаврову*.

б) Отзѣвъ объ означенномъ отчетѣ заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи (въ отставкѣ) *Гр. А. Воскресенскаго*:

„Какъ видно изъ отчета, занятія профессорскаго стипендіата Николая Туницкаго состояли:

а) въ посѣщеніи лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ и Археологическомъ Институтѣ;

б) въ систематическомъ ознакомленіи съ научной литературой, съ древне славянскими и русскими памятниками языка и словесности, съ ихъ изданіями и изслѣдованіями о нихъ, и

в) въ самостоятельномъ изученіи нѣкоторыхъ рукописей въ бібліотекахъ с.-петербургскихъ и московскихъ.

Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ г. Туницкій слушалъ слѣдующіе курсы. *У проф. А. И. Соболевскаго*: древній церковно-славянскій языкъ, фонетику и морфологию, исторію русскаго языка, русскій историческій синтаксисъ, русскую діалектологию и палеографію; *у проф. П. А. Лаврова*: славянскія нарѣчія, языки сербскій и чешскій, исторію славянскихъ литературъ и разборъ древнеболгарскихъ текстовъ (*практическія занятія* у проф. Соболевскаго состояли въ чтеніи лѣтописи по лаврентьевскому списку и Слова о полку Игоревѣ съ комментаріями филологическаго, историческаго и литературнаго характера,—у проф. Лаврова по славянской палеографіи—въ разборѣ снимковъ, принадлежащихъ профессору); *у проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене*: введеніе въ языковѣдѣніе, сравнительную грамматику славянскаго языковаго міра въ связи съ другими языками и элементарную грамматику санскритскаго языка, чтеніе, переводъ и разборъ отрывка изъ Mahābhārata; *у проф. И. А. Шляпкина*: общій курсъ исторіи русской литературы и изъ спеціальныхъ курсовъ—обозрѣніе источниковъ по

исторіи русской литературы, пушкинскій періодъ литературы и исторію русскаго театра; *у приватъ-доцентовъ*:—*Н. М. Каринскаго*: чтеніе и разборъ маринскаго Четверо-Евангелія, *Н. В. Ястребова*: введеніе въ славяновѣдѣніе, *Э. А. Волтера*: литовскую грамматику, *А. К. Бороздина*: о литературномъ движеніи александровской эпохи и о русскихъ писателяхъ послѣ Гоголя, *П. А. Висковатова*: исторію новой русской литературы. Въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ г. Туницкимъ выслушаны курсы палеографіи—русской (*у проф. И. А. Шляпкина*) и славянской (*у проф. П. А. Лаврова*).

Какъ результатъ систематическаго ознакомленія съ научною литературой, г. Туницкій предлагаетъ въ своемъ отчетѣ обстоятельный историческій, отчасти и критическій очеркъ изученія русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы. Отмѣтивъ въ современной славяно-русской филологіи три основныхъ направленія: *историческое, сравнительное и новограмматическое* или *психологическое*, г. Туницкій говоритъ отдѣльно *объ изученіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ* въ направленіи а) сравнительно-историческомъ и б) психологическомъ. Въ первомъ случаѣ указываетъ труды Добровскаго, Востокова, Калайдовича, Павскаго, первыхъ профессоровъ славянской филологіи въ русскихъ университетахъ: Прейса, Бодянскаго, Срезневскаго, Григоровича и ихъ учениковъ, останавливается на возникшей въ половинѣ XIX в. полемикѣ ученыхъ по вопросу о происхожденіи и древности малорусскаго нарѣчія, затѣмъ на трудахъ Буслаева, Колосова, Потемни, Житецкаго, Соболевскаго, Шахматова и др. Вчастности по церковно-славянскому языку г. Туницкій изучалъ труды Миклошича, Ягича, Будиловича и др. Изъ представителей новограмматической или психологической школы г. Туницкій ознакомился съ трудами Бодуэнъ-де-Кургенэ и его учениковъ: Крушевскаго, Богородицкаго, Александрова, Булича. Съ палеографіей г. Туницкій знакомился двоякимъ путемъ: теоретическимъ (при помощи курсовъ палеографіи Срезневскаго, Соболевскаго, Карскаго и Лаврова) и практическимъ (при пособіи палеографическихъ снимковъ Сахарова, Буслаева, преосв. Саввы, Срезневскаго, Соболевскаго, Лаврова). *По исторіи русской литературы* г. Туницкій, отмѣтивъ глав-

ныя направленія въ ея изученіи, даетъ полный обзоръ и краткую характеристику всѣхъ выдающихся трудовъ, какъ отдѣльныхъ монографій, такъ и полныхъ систематическихъ курсовъ-печатныхъ и литографированныхъ-по народной словесности, древней и новой литературѣ.

Отчетъ г. Туницкаго производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя о возможно полномъ и всестороннемъ ознакомленіи автора какъ съ филологическимъ, такъ и съ литературнымъ отдѣлами каѳедры.

Кромѣ того, г. Туницкимъ самостоятельно изучены въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ бібліотекахъ нѣсколько рукописей тріоди, патерика и пересмотрѣнъ цѣлый рядъ сборниковъ церковно-учительнаго характера. Къ отчету приложенъ фотографическій снимокъ нѣсколькихъ строкъ изъ цвѣтной тріоди XII в. Императорской Публ. Библ. № 74, писанныхъ глаголицей среди кирилловскаго письма.

Г. Туницкій заявилъ себя и печатными учено-литературными трудами. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія рус. яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (т. IX, кн. 3, 1904 г.) помѣщено имъ „Слово о св. Троицѣ, о твари и о судѣ Климента Словенскаго“; въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, изд. Императорской Академіею Наукъ въ честь В. П. Ламанскаго“ (СПБ. 1905 г.) напечатана его статья: „Къ вопросу о происхожденіи и авторѣ Болгарской легенды“; нѣсколько критическихъ замѣтокъ помѣщено имъ въ „Журналь Мин. Нар. Просвѣщенія“.

Въ заключеніе долгомъ справедливости считаю доложить Совѣту Академіи, что, по моему мнѣнію, г. Туницкій умѣло и плодотворно использовалъ время, данное ему для приготовления къ профессорскому званію“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію. 2) Предложить профессорскому стипендіату Николаю Туницкому, предназначенному Совѣтомъ Академіи къ замѣщенію вакантной каѳедры русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы прочесть, согласно § 50 академическаго устава, въ присутствіи Совѣта двѣ пробныя лекціи по означеннымъ предметамъ: одну на тему по собственному избранію, другую—по назначенію Совѣта Академіи.

V. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 15 февраля за № 310:

„Возвращая при семь присланную для занятій профессорскаго стипендіата А. Ѳедорова рукопись Московской Духовной Академіи за № 520, Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи честь имѣеть выразить Совѣту Московской Духовной Академіи искреннюю благодарность“.

Справка: Возвращенная рукопись за № 520 сдана въ фундаментальную академическую библіотеку подъ росписку г. библіотекаря.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отношеніе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отъ 27 марта за № 126:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣеть честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи о продолженіи до 1-го октября текущаго года—срока пользованія рукописью, принадлежащею библіотекѣ означенной Духовной Академіи за № 1 (12): „Библии—книгъ Ветхаго Завѣта съ приложеніями“, такъ какъ упомянутая рукопись необходима для пополнительнаго извлеченія матеріаловъ при печатаніи академическаго изданія словаря древне - русскаго языка пок. акад. И. П. Срезневскаго“.

Опредѣлили: Увѣдомить Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, что Совѣтъ Академіи не встрѣчаетъ въ своей стороны препятствія къ продленію срока пользованія рукописью академической библіотеки за № 1 (12) до 1-го октября сего 1905 года.

VII. Отношеніе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности отъ 12 апрѣля за № 43:

„Императорское Общество Любителей Древней Письменности имѣеть честь обратиться къ Академіи съ покорнѣйшей просьбой, не сочтетъ ли она возможнымъ доставить въ Общество принадлежащую библіотекѣ Академіи рукопись подъ № 20—102 (временн. № 119), срокомъ на два мѣсяца, необходимую для занятій члена - корреспондента Общества Г. З. Кунцевича“.

Опредѣлили: Выслать въ Императорское Общество Любителей Древней Письменности означенную въ отношеніи рукопись на испрашиваемый двухмѣсячный срокъ.

VIII. Отношенія:

а) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 1 апрѣля за № 503: „Вслѣдствіе отношенія Совѣта Академіи отъ 29 марта сего года за № 237, Духовный Соборъ имѣетъ честь препроводить при семъ для научныхъ занятій студента IV курса Ивана Неутрѣвскаго рукописи лаврской библиотеки за №№ 730 и 783, на трехмѣсячный срокъ, о полученіи коихъ Соборъ проситъ не оставить увѣдомленіемъ“.

б) Правленія Нижегородской Духовной Семинаріи отъ 8 апрѣля за № 271: „Правленіе Семинаріи, во исполненіе отношенія Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 18 марта с. г. за № 210, честь имѣетъ при семъ посылкою препроводить въ Совѣтъ Академіи двѣ принадлежащія семинарской библиотекѣ рукописи изъ собранія Преосвященнаго Нижегородскаго Іакова за №№ 3775 („О молоканахъ“) и 3776 („О скопцахъ и хлыстахъ“), срокомъ на три мѣсяца, для научныхъ занятій испр. должность доцента Академіи Д. Г. Коновалова.—О полученіи сихъ рукописей Правленіе Семинаріи проситъ увѣдомить“.

в) Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 5 апрѣля за № 408:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 21 января с.г. за № 13, Совѣтъ Казанской Духовной Академіи честь имѣетъ при семъ препроводить въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на двухмѣсячный срокъ два рукописныхъ сборника за №№ 1727 и 1986, содержащихъ въ себѣ сочиненія Ивана Неронова, прося о полученіи оныхъ не оставить увѣдомленіемъ“.

г) Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 11 апрѣля за № 476:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 30 марта с. г. Совѣтъ Казанской Академіи честь имѣетъ препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи рукопись Соловецкаго монастыря за № 123/1232 на 436 листахъ, срокомъ на одинъ мѣсяць“.

Справка: Всѣ означенныя въ отношеніи рукописи, немедленно по полученіи, переданы были въ фундаментальную академическую библиотечку, гдѣ лица, для научныхъ занятій которыхъ онѣ выписаны, и могутъ пользоваться ими подъ наблюденіемъ г. библиотечкаря Академіи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Прошение кандидата Академіи выпуска 1904 года Бориса *Гречева*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Московскои Духовнои Академіи разрѣшить мнѣ для соисканія степени магистра богословія переработать мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Преп. Нилъ Сорскій и значеніе его устава о скитскомъ житіи въ исторіи русскаго монашества“ съ такимъ измѣненіемъ темы: „Основныя идеи устава о скитскомъ житіи преп. Нила Сорскаго, ихъ развитіе и значеніе въ судьбѣ „Заволжскои школы“:

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2565.—2) Кандидатское сочиненіе Бориса Гречева отмѣчено было балломъ 5+. 3) Разсматривавшій оное заслуженный ординарный профессоръ Академіи В. О. Ключевскій надписью на прошеніи г. Гречева удостовѣрилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ испрашиваемаго измѣненія темы.

Опредѣлили: 1) Разрѣшить кандидату Академіи выпуска 1904 года Борису Гречеву переработать его кандидатское сочиненіе для соисканія степени магистра богословія, съ указаннымъ въ прошеніи измѣненіемъ темы.—2) Постановленіе сіе предварительно представить на Архiepастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

X. Прошение студента III курса Академіи Андрея *Бѣлявскаго*:

„Съ 18 сентября прошлаго года я нахожусь въ Ялтинскои санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ, въ память Императора Александра III-го, куда я поступилъ вслѣдствіе настоятельной нужды въ климатическомъ леченіи своей болѣзни (туберкулеза легкихъ).

По мнѣнію санаторскихъ врачей, для возстановленія своего здоровья и силъ мнѣ необходимо было провести въ санаторіи весь лечебный сезонъ,—приблизительно до конца мая. Такимъ образомъ, въ видахъ поправленія здоровья я вынужденъ былъ пропустить еще одинъ полный учебный годъ и теперь уже не могу явиться въ Академію для держанія переходныхъ экзаменовъ на IV курсъ.

На основаніи изложеннаго и принимая во вниманіе отзывы санаторскихъ врачей о состояніи моего здоровья и силъ въ

настоящее время, я покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ оставленіи меня въ Академіи на второй годъ на 3-мъ курсѣ“.

Справка: 1) По § 134 устава духовныхъ академій: „Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса“.—2) Студентъ Андрей Бѣлявскій уже былъ оставленъ, съ разрѣшенія Совѣта Академіи, на второй годъ во II курсѣ, также вслѣдствіе болѣзни.—3) Изъ приложеннаго къ прошенію свидѣтельства главнаго врача Ялтинской санаторіи отъ 21 апрѣля 1905 года за № 42 видно, что онъ, Бѣлявскій,—„въ настоящее время по состоянію своего здоровья можетъ быть признанъ работоспособнымъ“.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе студента Андрея Бѣлявскаго за предшествовающіе учебные годы и признавая настоящую просьбу его заслуживающею уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить Бѣлявскаго въ III курсѣ на второй годъ.

XI. Прошенія студентовъ Академіи: II курса Димитрія *Сололова* (Яросл.) и I курса Бориса *Добротворцева*, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ, вслѣдствіе болѣзни: первому—представить третье семестровое сочиненіе (по исторіи философіи), а второму—сдать устныя испытанія по всѣмъ предметамъ I курса—послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1905 года.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣдканикулярное время только въ случаяхъ самыхъ уважительныхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе засвидѣтельствованное врачомъ академической больницы дѣйствительно болѣзненное состояніе студентовъ: II курса Димитрія Соко-

лова (Яросл.) и 1 курса Бориса Добротворцева,—дозволить первому изъ нихъ представить третье семестровое сочиненіе, а второму—сдать устныя испытанія по всѣмъ предметамъ 1 курса—послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1905 года.—2) Постановленіе сіе предварительно представить на Архипастьрское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XII. Прошеніе вольнослушателя академическихъ лекцій священника Николая *Ремизова*:

„Въ теченіи 1904—1905 учебнаго года я прослушалъ чтеніе лекцій на первомъ курсѣ. Но чтобы имѣть возможность и лучше воспроизвести для себя прочитанныя на курсѣ лекціи и перейти къ слушанію лекцій на второмъ курсѣ въ теченіе слѣдующаго учебнаго года, я нахожу для себя полезнымъ вмѣстѣ со студентами 1-го курса подвергнуться испытаніямъ на предстоящихъ экзаменахъ въ текущемъ 1904—1905 учебномъ году. Посему я обращаюсь въ Совѣтъ Академіи съ просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ неофициально допустить меня къ испытанію на предстоящихъ экзаменахъ на 1-мъ курсѣ“.

Опредѣлили: Просьбу священника Николая Ремизова,— въ виду вновь подтвержденнаго указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737 правила, что „допускаемая, на основаніи § 115 устава духовныхъ академій, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго, къ слушанію академическихъ лекцій постороннія лица правомъ подвергаться переходнымъ испытаніямъ и подавать сочиненіе на соисканіе ученой академической степени или званія не пользуются“,—отклонить.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1905 г. Мая 11. По ст. IX. Кандидату академіи Гречеву разрѣшается переработать на соисканіе степени магистра его кандидатское сочиненіе. Постановленіе Совѣта по ст. XI утверждается. Прочее смотрѣно“.

18 мая 1905 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ

профессоровъ: В. О. Ключевского, А. И. Введенскаго, А. И. Голубцова, А. А. Спасскаго и М. М. Тарѣева.

Въ собраніи семь окончившій курсъ наукъ въ Московской Духовной Академіи въ 1903 году и оставленный при Академіи для приготовления къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каѳедръ кандидатъ богословія Николай *Туницкій* прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 26 апрѣля текущаго 1905 года, двѣ пробныя лекціи по русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы,—одну на тему по собственному избранію: „Герои произведеній русской литературы въ процессѣ ея историческаго развитія“, другую — по назначенію Совѣта Академіи: „Церковно-славянскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ“. — Обѣ лекціи, прочитанныя профессорскимъ стипендіатомъ Николаемъ Туницкимъ, признаны были Совѣтомъ Академіи удовлетворительными.

Справка: 1) По § 81 лит. б. п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидата на должность доцента значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго. 2) По § 48 того же устава „для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“ 3) Согласно § 55 академическаго устава лицамъ, опредѣляемымъ на вакантныя каѳедры съ званіемъ исправляющихъ должность доцентовъ до окончательнаго утвержденія въ степени магистра, срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность. 4) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 августа 1904 года за № 7714 Совѣту Академіи разрѣшено было продолжить профессорскому стипендіату Николаю Туницкому установленный § 54 академическаго устава срокъ для приготовления къ занятію преподавательской вакансіи въ Академіи на одинъ годъ, т. е. до 15 августа 1905 года, по каковое число и назначено ему особое содержаніе изъ духовно-учебнаго капитала.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи профессорскаго стипендіата, кандидата богословія, Николая Туницкаго, съ 16 августа сего 1905 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы. —

2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства—объявить кандидату Туницкому, что для опредѣленія на должность доцента по означенной каедрѣ онъ долженъ получить степень магистра богословія не позже двухъ лѣтъ со дня утвержденія журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященство мѣ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1905 г. Мая 21. Профессорскій стипендіатъ Туницкій утверждается исправляющимъ должность доцента Академіи по каедрѣ русскаго и славянскаго языковъ и исторіи русской литературы съ 16 Августа сего 1905 года“.

29 мая 1905 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. О. Ключевскаго, А. И. Введенскаго и С. С. Глаголева.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Мая 4. Въ Совѣтъ Московской Академіи“—указъ на имяЕго Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 апрѣля за № 4396:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства отъ 1 февраля сего года за № 56, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи священника Московской Сергіевской, что въ Рогожской слободѣ церкви *Іоанна Орфанитскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего Іисуса Христа“ и 2) отзывъ Преосвященнаго Николая, Архіепископа бывшаго Финляндскаго, нынѣ Тверскаго, отъ 4 сего Апрѣля за № 400, о названномъ сочиненіи. Приказали: Кандидата богословія, священника Орфанитскаго, удостоеннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи за означенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Николая, въ таковой степени; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для священника Московской Сергіевской, что въ Рогожской слободѣ, церкви Іоанна Орфанитскаго магистерскій дипломъ и выслать его по принадлежности.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Мая 23. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая за № 5060:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 30 марта сего года № 454, журналъ Учебнаго Комитета за № 140, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Правленіемъ С.-Петербургской духовной академіи вопросу *относительно выдачи новыхъ дипломовъ кандидатамъ богословія, снявшимъ по выходѣ изъ академіи священный санъ*. Приказали: Согласно заключенію Учебнаго Комитета, разъяснить Правленію С.-Петербургской духовной академіи, что къ выдачѣ бывшимъ воспитанникамъ академіи, состоявшимъ въ священно-монашескомъ санѣ, послѣ сложенія ими съ себя, по окончаніи академическаго курса ученія, священнаго сана и монашества, новаго диплома съ означеніемъ новаго, свѣтскаго именованія сихъ воспитанниковъ, взамѣнъ прежняго диплома, выданнаго на точномъ основаніи существующихъ положеній, не имѣется никакихъ законныхъ основаній и таковая замѣна диплома была бы производима въ явное несоотвѣтствіе съ дѣйствующимъ порядкомъ; что же касается удостовѣренія о принадлежности академическаго диплома, выданнаго на имя лица священнаго сана и монашескаго чина, тому же лицу, имѣющему, по снятіи сана и монашества, новое наименованіе, то такая принадлежность удостовѣряется соотвѣтствующими надписями или документами о дальнѣйшихъ измѣненіяхъ въ служебномъ и гражданскомъ состояніи сего лица; о чемъ и послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указъ, увѣдомивъ таковымъ же Ваше Преосвященство“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

III. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Мая 28. Къ преосвященному Евдокиму“

отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 21 мая за № 4070:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 4 мая текущаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 19-й день сего мая, на увольненіе ректора Московской духовной академіи, *Епископа Волоколамскаго Евдокима* въ отпускъ на два съ половиной мѣсяца, съ 1 Іюня по 15 Августа 1905 г., для посѣщенія съ нѣкоторыми изъ профессоровъ и студентовъ академіи, съ религіозно-научной цѣлью, Палестины.

О такомъ Высочайшемъ соизволеніи, для объявленія по принадлежности, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, вполсѣдствіе представленія Вашего на имя Святѣйшаго Синода, отъ 30-го минувшаго Апрѣля за № 139“.

Справка: 1) По § 33 устава духовныхъ академій: „Инспекторъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора академіи, исправляетъ его должность“. 2) По § 39 того же устава: „Въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора, исполненіе его обязанностей возлагается Преосвященнымъ на одного изъ профессоровъ, состоящаго членомъ Правленія“. 3) Членами Правленія Академіи въ настоящее время состоятъ заслуженные ординарные профессоры: П. П. Цвѣтковъ, Н. Ѡ. Каптеревъ и А. Д. Бѣляевъ.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи поручить исправленіе должности Ректора Академіи, на время отсутствія послѣдняго,— Инспектору Академіи Архимандриту Іосифу и о назначеніи, вмѣсто него, исправляющимъ обязанности Инспектора одного изъ профессоровъ Академіи, состоящаго членомъ Правленія.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 26 апрѣля 1905 года: „1905 г. Мая 11. По ст. IX. Кандидату Академіи Гречеву разрѣшается переработать на соисканіе степени магистра его кандидатское сочиненіе. Постановленіе Совѣта по ст. XI утверждается. Прочее смотрѣно“.

в) 18 мая 1905 года: „1905 г. Мая 21. Профессорскій стипендіатъ Туницкій утверждается исправляющимъ должность доцента Академіи по кафедрѣ русскаго и славянскаго язы-

ковъ и исторіи русской литературы съ 16-го Августа сего 1905 года“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. Благодарственныя письма Почетныхъ Членовъ Академіи:

а) *Преосвященнаго Арсенія*, Епископа Псковскаго и Порховскаго:

„Получивъ дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи, приношу Совѣту Академіи искреннюю мою благодарность за честь, оказанную мнѣ такимъ избраніемъ. Отнынѣ Академія, дорогая по семилѣтнему служенію въ ней, становится родною для меня.

Въ сыновнихъ чувствахъ привязанности къ ней, молитвенно желаю, да процвѣтаетъ она, родная, въ духѣ священныхъ традицій своихъ, во благо Св. Церкви, на пользу богословской наукѣ во всѣхъ ея видахъ“.

в) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *В. А. Соколова* (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи):

„Девятнадцатаго текущаго мая я имѣлъ честь и удовольствіе получить изъ Вашихъ рукъ дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи; къ Вашему Преосвященству и обращаюсь теперь съ покорнѣйшей просьбой засвидѣтельствовать о наполняющихъ мою душу чувствахъ предъ глубокоуважаемой коллегіей академическаго Совѣта, почтившей меня высокимъ избраніемъ.

Съ Московской Академіей я издавна былъ связанъ тѣсными родственными узами. Подъ ея кровомъ я родился; съ нею соединено не мало моихъ свѣтлыхъ дѣтскихъ воспоминаній; въ рядахъ ея дѣятелей подвизались и отецъ мой и многіе другіе изъ наиболѣе близкихъ и дорогихъ мнѣ людей; съ любовью приняла она и воспитала меня самого и ей же на служеніе посвятилъ я болѣшую часть своей жизни и при томъ, конечно, самыя лучшіе годы.

Насколько плодотворно было мое служеніе, судить, разумѣется, не мнѣ; могу лишь сказать, что, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, я старался сдѣлать все, на что только былъ способенъ.

Покидая теперь академическую службу, я уношу съ собою сознаніе, что весьма многимъ обязанъ своей родной Акаде-

ми и что духовная связь моя съ нею можетъ съ моею стороны порваться только съ жизнью. Тѣмъ отраднѣе для меня видѣть, что Московская Академія, сопричисливъ меня къ сонму своихъ почетныхъ членовъ, тѣмъ самымъ выражаетъ желаніе и съ своей стороны не порывать духовной связи со мною.

Съ чувствомъ глубокой признательности принимая почетное званіе, я вижу въ немъ не только высокую честь, но и призывъ воспитавшей меня *Almae Matris* свято хранить ея завѣты и до конца дней своихъ жить и трудиться во славу ея добраго имени, гдѣ бы ни поставилъ меня Господь.

Благоволите, Ваше Преосвященство, передать Совѣту мою искреннюю благодарность. Отъ всей души желаю и глубоко убѣжденъ, что Московская Духовная Академія въ лицѣ своихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей встрѣтитъ наступающій новый вѣкъ свой съ тѣмъ же высокимъ научнымъ достоинствомъ и съ тою же славой, какія упрочились за нею доселѣ“.

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

VI. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *апрѣль* мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что—*а) по болѣзни*: исправляющій должность доцента и лекторъ французскаго языка П. П. Соколовъ опустилъ 8 лекцій, исправляющій должность доцента С. И. Смирновъ—4 лекціи, исправляющій должность доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ—3 лекціи и временный преподаватель, заслуженный ординарный профессоръ Г. А. Воскресенскій—2 лекціи; *в) по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарные профессора А. П. Голубцовъ и А. А. Спасскій—по 2 лекціи и заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—1 лекцію.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Прошеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ древней гражданской исторіи, Дѣйствиельнаго Статскаго Совѣтника, *Н. О. Каптерева*:

„Прослуживъ профессоромъ тридцать три года и не чув-

ствуя въ себѣ должной крѣпости силъ, необходимой для продолженія профессорскаго служенія, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи меня отъ службы въ Академіи съ присвоенной моему званію пенсіей“.

Справка: 1) По § 81 лит. в п. 5 устава духовныхъ академіи увольненіе профессоровъ отъ занимаемыхъ ими должностей значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, въ Святѣйшій Синодъ.—2) По § 94 лит. в п. 5 (примѣчаніе) того же устава дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при Академіи представляются Правленіемъ Академіи Епархіальному Преосвященному для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ древней гражданской исторіи и члена академическаго Правленія, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Н. Θ. Каптерева отъ службы при Академіи съ правомъ ношенія въ отставку мундира, занимаемой имъ должности присвоеннаго.—2) Дѣло объ исходатайствованіи профессору Н. Θ. Каптереву установленной пенсіи передать въ Правленіе Академіи.

VIII. Прошеніе преподавателя Псковской Духовной Семинаріи Николая *Серебрянскаго*:

„Представляя при семъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Очерки по исторіи монастырской жизни въ псковской землѣ съ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества“,—въ рукописи, въ двухъ тетрадяхъ,—покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его въ качествѣ диссертации на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: 1) Г. Николай Серебрянскій окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1898 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. 2) По § 81 лит. в п. 6 устава духовныхъ академіи „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученые степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию преподавателя Псковской Духовной Семинаріи Николая Серебрянскаго передать для разсмотрѣнія исправляющему должность доцента Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнову*.

IX. Прошеніе протоіерея Московскаго Покровскаго и Василія Блаженнаго собора Іоанна *Кузнецова*:

„Честь имѣю представить при семь въ Совѣтъ Академіи на соисканіе степени магистра свое историко - агіографическое изслѣдованіе: „Святые блаженные Василиій и Іоаннъ, Христа ради Юродивые, Московскіе чудотворцы“—(въ рукописи)—и просить, если оное изслѣдованіе будетъ признано заслуживающимъ магистерской степени, допустить меня до его публичной защиты“.

Справка: 1) О. протоіерей Іоаннъ Кузнецовъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1886-мъ году со степенью кандидата богословія и правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, изложенныхъ въ § 137 академическаго устава.—2) § 137 устава духовныхъ академій: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе.—3) Въ теченіи четырехлѣтняго академическаго курса кандидатъ Иванъ Кузнецовъ (нынѣ протоіерей) не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ степени магистра богословія, по слѣдующимъ предметамъ: Священному Писанію Ветхаго Завѣта, догматическому богословію, нравственному богословію, сравнительному богословію, гомилетикѣ, метафизикѣ, психологіи и еврейскому языку и библейской археологіи.—Изъ письменныхъ работъ кандидата Кузнецова баллами ниже 4¹/₂ отмѣчены были: а) семестровыя сочиненія по философіи, психологіи, Священному Писанію Ветхаго Завѣта, основному богословію, Священному Писанію Новаго Завѣта и догматическому богословію и б) проповѣди за 3-й и 4-й курсы.

Опредѣлили: 1) Дозволить о. Протоіерею Московскаго Покровскаго и Василія Блаженнаго собора Іоанну Кузнецову

во время приемных и переводных испытаний студентов Академии сдать новые устные испытания по 8-ми предметам академического курса и представить новые семестровые сочинения по 6 предметам (перечисленным в п. 3-м справки) и одну проповедь, с предупреждением, что для получения степени магистра богословия онъ долженъ какъ на устныхъ испытанияхъ по каждому предмету, такъ и по каждому семестровому сочинению и проповеди получить баллъ не ниже 4^{1/2}. — 2) Магистерскую диссертацию о. протоіерея Кузнецова передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи *А. П. Голубцову*.

X. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышепоименованныхъ магистерскихъ диссертаций онъ назначаетъ членовъ Совѣта, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Академіи: *В. О. Ключевского* (диссертации преподавателя Серебрянскаго) и *П. И. Цвѣткова* (диссертации о. протоіерея Кузнецова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отчетъ окончившаго въ минувшемъ году курсъ и оставленнаго при Академіи для приготовления къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ кандидата богословія *Анатолія Орлова* о его занятіяхъ въ теченіи 1904—1905 учебного года:

„Предметомъ моихъ научныхъ занятій по Патристикѣ въ текущемъ 1904/5 стипендіатскомъ году было историко-прагматическое изученіе богословской письменности 2—4 вв. вообще и въ особенности уясненіе генезиса и историческаго положенія догматическихъ воззрѣній *Иларія Пиктавійскаго* (—предметъ моей кандидатской работы).

I. Первой задачей, представлявшейся мнѣ на этомъ пути, было выясненіе свято-отеческаго ученія о Трѣдиномъ Богѣ въ связи съ философскими теченіями греко-римской мысли, съ цѣлью опредѣлить, въ какой степени онтологическіе и гносеологическіе принципы тѣхъ или другихъ философскихъ школъ отразились какъ на общей концепціи, такъ и на терминологіи догмата о св. Троицѣ у тѣхъ или другихъ христіанскихъ писателей. Хотя исторія тринитарной догмы была въ болѣе или менѣе подробномъ видѣ представлена еще въ нашей кандидатской работѣ, однако въ нынѣшнемъ году

мы должны были вновь прослѣдить ея развитіе въ Церкви, поскольку въ прошломъ году мы не имѣли возможности ни изучить ея философской подпочвы въ свято-отеческой письменности, ни довести до конца ея обзорѣніе,—изучить т. н. новоникейское богословіе, какъ завершительный моментъ исторіи тринитарнаго ученія на востокъ.—Общій ходъ или схема исторіи догмата о св. Троицѣ намъ представляется въ такомъ видѣ. До второй половины 3-го вѣка въ Западной церкви богословская мысль по данному вопросу ясно опредѣлилась въ двухъ параллельно шедшихъ направленіяхъ, представителями которыхъ являются, съ одной стороны, Тертуллианъ и Ипполитъ Римскій, а съ другой,—Иринея Ліонскій и римскіе модалисты (папы Зефиринъ и Каллистъ). Если Тертуллианъ и Ипполитъ являются выразителями научно-философскаго возрѣнія на догматъ о св. Троицѣ, и притомъ въ духѣ стоической философіи, то ученіе Иринея, Зефирина и Каллиста можетъ быть разсматриваемо какъ оппозиція увлеченію стоической логологіей, популярной въ тогдашнихъ богословскихъ кругахъ,—оппозиція, доведенная у поименованныхъ папъ до нѣкоторой крайности ¹⁾.

Со 2-й половины 3-го вѣка начинается постепенное сближеніе этихъ направленій богословской мысли на Западѣ. Въ лицѣ Новаціана мы видимъ писателя хотя со значительно еще преобладающимъ вліяніемъ стоической (логологической) школы, но уже въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступающаго отъ Тертуллиана и приближающагося къ Иринею (признаніе абсолютной простоты и духовности Божества, довременнаго рожденія Сына и др.). Въ лицѣ Діонисія Римскаго, насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ его посланій, направленныхъ противъ александрійскихъ богослововъ,—наоборотъ обрисовывается богословъ, уже съ преобладающимъ, такъ сказать, модалистическимъ направленіемъ. Преобладающій интересъ къ моменту един-

---

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ богословіе Иринея хотя хронологически предшествуетъ Тертуллиану и Ипполиту, но въ историко-прагматическомъ отношеніи можетъ быть разсматриваемо послѣ нихъ, поскольку ихъ ученіе имѣетъ непосредственную связь съ возрѣніями древнѣйшихъ аполететовъ и гностиковъ.